

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Ирины Шевченко
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

АЛМАЗНОЕ СЕРДЦЕ

Цикл
«ЛЕГЕНДЫ СОПРЕДЕЛЯ»

**ДОЧЬ ХРАНИТЕЛЯ
И ПРИДЕТ ВОЛЧИЦА...
НАСЛЕДНИКИ ЛЕГЕНД**

Ирина ШЕВЧЕНКО

**АЛМАЗНОЕ
СЕРДЦЕ**

Роман

Москва, 2014
СЕРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
ШЗ7

Серия основана в 2004 году
Выпуск 540

Художник
С. А. Григорьев

Шевченко И. С.
ШЗ7 Алмазное сердце: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 409 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1826-8

Чтобы вернуть то, что принадлежит ему по праву, молодой волк вынужден был пойти на преступление. А юная и не слишком удачливая целительница решилась на отчаянную авантюру, сбежав от ненужного ей замужества.

Они всего лишь хотели быть хозяевами своих судеб, а вместо этого стали владельцами чужой тайны. Очень опасной тайны...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1826-8

© Шевченко И. С., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Благодарю замечательных писательниц Анну Герасимову (Valkiria Dan) и Елену Тебневу за дружескую поддержку и своевременные замечания в процессе работы над книгой. Также спасибо Татьяне Березняк — моему первому читателю и критику.

Автор

ГЛАВА 1

Джед

Люблю пробежаться по лесу летней ночью. Размять мышцы, подышать свежим воздухом, шутки ради вспугнуть устроившихся на ночлег птиц и с удовольствием, в полный голос по-выть на луну. Это ли не счастье? Но сегодня наслаждаться дикой свободой было некогда.

Там, где заканчивались деревья, начиналась широкая дорога, ведущая в предместье Велсинга. Именно здесь, а не в самом городе, вот уже четверть века предпочитали селиться те, кого Создатель не обидел ни финансами, ни родословной. Поговаривали, что даже бродячие кошки тут сплошь редких пород, пушистые и откормленные, а голуби приучены гадить в специально отведенных местах, а уж никак не на мраморные статуи, коими каждый уважающий себя дэй спешил украсить вход в свою резиденцию.

Особняк Лен-Лерронов в этом плане не был исключением. Две каменные девы с ветвями жасмина в руках, что-то там символизируя, застыли по обе стороны распахнутых в данное время ворот, к которым то и дело подкатывали роскошные экипажи. Уверен, большинство гостей, спешивших сюда, чтобы поздравить супругу хозяина с днем рождения, проживали поблизости, всего в нескольких минутах ходьбы, но никому из них и в голову не пришло этим дивным вечером пройтись пешком. Хотя нет, вот пожилая чета: худой как щепка дэй в расшитом золотом черном камзоле и невысокая пышнотелая дэйна в платье, напоминающем цветочную клумбу. Притопали на своих двоих... то есть четырех, если считать в сумме. Корона Создателя, какими взглядами их одарили! Позор, пожизненный позор! Потому я и не посещаю подобных сборищ: никогда не знаешь, чем вызовешь всеобщее порицание. Однако сегодня мне все же

придется выбраться из кустов напротив особняка и наведаться в жилище Лен-Лерронов. И я уже знал, как это сделаю.

Четверо охранников дежурили у ворот, еще двое с короткими интервалами обходили дом вдоль садовой ограды, и восемь—десять человек было в самом саду. Это не считая тех двоих, что стояли на высоком крыльце, почтительными, но цепкими взглядами ощупывая прибывающих гостей. Но я и не собирался пользоваться парадным входом. Дождался, пока мимо промарширует очередной патруль, протиснулся между прутьями решетки, короткими перебежками, низко пригибаясь к земле, пересек сад и остановился перед увитой диким виноградом стеной. Комната дэйны Авроры на втором этаже, третье окно слева, приоткрытое, как я вижу. Сейчас хозяйка встречает гостей, но после, через час-два, наверняка поднимется к себе, чтобы припудриться, поправить прическу или еще что-нибудь в этом роде. Все женщины так делают. А потому мой план безупречен. Заберусь в ее комнату и дождусь прекрасную дэйну. Вот только облик сменю — человеком все же удобнее лазать по стенам.

Вверх, вверх, вверх... подоконник... зацепился, подтянулся, забросил ногу... пол. Я на месте.

— Ой!

Кхм... Дэйна Аврора — тоже. До этого я видел ее лишь мельком и издали, и стоит признать, что вблизи она еще привлекательней: элегантное черное платье подчеркивает соблазнительную фигурку, золотистые локоны собраны в замысловатую прическу, украшенную бриллиантами и жемчугом, маленький, чуть вздернутый носик, пухлые губки и огромные синие глаза. Хотя не знаю, были бы они такими огромными, не ввались я столь бесцеремонным образом через окно.

— Помогите! — закричала дама.

Естественная реакция, когда в твою комнату врывается голый мужчина. Но кричала она отчего-то шепотом и смотрела при этом так, что я почувствовал, как начинаю краснеть.

— Помогите! — продолжала шептать она с придыханием. — Насилуют!

Размечталась! Впрочем, будь у меня побольше времени... Но чего нет, того нет.

— Поверьте, у меня и в мыслях не было, — улыбнулся я, демонстрируя не до конца уменьшившиеся клыки.

— У... убивают? — испуганно пролепетала женщина, закатила глаза и хлопнулась в обморок.

Надеюсь, в настоящий и достаточно глубокий.

— Всего лишь немножечко грабят, — сообщил я бесчувственному телу, снимая с впечатлительной дэйны колье.

Готово! Теперь — ожерелье в зубы, ноги в руки, и уходить, пока она не очнулась и не начала орать по-настоящему.

Выпрыгнув в окно, я приземлился уже на четыре лапы, добежал до решетки, выбрался за ограду и нырнул в придорожную канаву — лучше провонять слитыми сюда нечистотами, чем позволить собакам взять след.

А ведь мне не хотелось опускаться до грабежа. Сколько раз я пытался купить у Роджера Лен-Леррона камень! Не колье — всего один камень! Нет же, баронет уперся рогом (а судя по поведению его супруги, рога у него имеются) и заявил, что это бесценная семейная реликвия, которую он жаждет сохранить для потомков. Ха! Алмаз в семействе Лен-Лерронов не более года, а уже реликвия! Придется несговорчивому дэю подыскать для наследников новую.

Пробежался по лесочку, бережно сжимая колье в зубах, переплыл реку (заодно и отмылся), вышел на берег и отряхнулся, обдав брызгами шагнувшего на встречу Унго.

— Вы быстро справились, дэй Джед. Не было ничего непредвиденного?

— Нет, все прошло по плану... почти.

Как оказалось, далеко не все. Я украл не тот алмаз. Точнее, украл совсем не алмаз. Я понял это, уже добравшись до дома, который снял в начале месяца на окраине Велсинга. Должно быть, на камень навели иллюзию, и пока она действовала, распознать подделку было нелегко. Но теперь, спустя два часа и на достаточном отдалении от особняка Лен-Лерронов, чары развеялись, и стало ясно, что это всего лишь дешевая стекляшка.

— Тысяча демонов!

Остальные камни были настоящими, но в моих глазах это не прибавляло ожерелью ценности. Я со злостью отшвырнул бесполезное украшение.

— Можно вернуть его владельцу, — осторожно предложил Унго, поднимая колье.

— Или выкинуть в выгребную яму.

Меня накрыла волна бессилия и безразличия. Человек в таких случаях тянется к бутылке, волк — забивается в логово, а

метаморф... Метаморф продолжает строить планы, чтобы вко-
нец не раскиснуть.

— Нужно выяснить, куда Лен-Леррон дел настоящий камень. Либо он его продал, но пока этого не афиширует, либо алмаз все еще у него, хранится под замком, а на многолюдные приемы его жена надевает подделку. На всякий случай. Такой, как сегодня, например.

— Вы найдете его, дэй Джед. Главное не отчаиваться.

Когда-нибудь я поборю в себе сословные предрассудки и признаюсь Унго, какую важную роль он играет в моей жизни. По сути этот чернокожий здоровяк — мой единственный друг. Друг, секретарь, дворецкий и камердинер. Незаменимый человек.

Мой дед, от нечего делать объехавший полмира, однажды посетил Тайлубе — маленькое островное государство с жутким климатом и еще более жуткими нравами. Там ему «посчастливилось» по незнанию обычаев чем-то обидеть одного из местных царьков. Запахло костром и международным конфликтом (все же какие-никакие дипломатические отношения с Тайлубе Вестолия поддерживала), и, чтобы уладить проблему, мой предприимчивый предок принес оскорбленному дикарю извинения и в доказательство добрых намерений подарил кольцо с рубином. Песий сын (они там искренне полагают себя потомками черного пса) извинения принял, кольцо вставил в нос, а деду преподнес ответный подарок — мальчишку лет семи. Я же говорю, жуткие нравы! Так в нашем доме появился Унго.

Ему было около пятнадцати, когда родился я. То есть, если мне сейчас тридцать, Унго уже сорок пять. И всю мою жизнь он рядом. В детстве он водил меня в городской парк и на набережную. Родители отпускали, не тревожась, — кто посмеет обидеть ребенка, которого сопровождает такая «нянюшка»? Высокий, широкоплечий, устрашающе черный. Черными были и толстогубое лицо с чуть приплюснутым носом, и глаза, и жесткие курчавые волосы. Костюмы он тоже носил и до сих пор носит исключительно черные. И во всей этой черноте было лишь два светлых пятна: накрахмаленный воротничок рубашки и ослепительно-белоснежная улыбка.

Когда мне, как и всем юношам моего сословия, пришла пора поступить на королевскую службу, Унго отправился со мной в качестве денщика. Я дослужился до лейтенанта, а он научился ловко орудовать палашом и чистить пистолеты. Потом новые

веянья в обществе заставили меня получать светское образование. Тайлубиец три года прожил со мной в квартирке рядом с Винольским университетом, и теперь трудно сказать, кто же из нас в итоге защитил степень бакалавра земельного права: работы я сдавал вовремя, но не помню, чтобы писал их, а на лекции не опаздывал лишь потому, что Унго с вечера успевал найти меня в одном из ближайших трактиров или картежных клубов и доставить домой, а с утра приводил в чувства с помощью стакана горькой, но действенной дряни, рецепт которой безуспешно пытались выведать у него все мои соученики.

Но главный его талант в том, что он может вернуть мне уверенность всего парой слов.

— Камень обязательно найдется, — повторил он. — Я наведу справки, когда шумиха вокруг ограбления утихнет, но вам лучше побыть в стороне от этого. Отдохнуть, отвлечься. Вот, взгляните.

На подносе передо мной лежала гора вскрытых конвертов.

— Я распорядился, чтобы корреспонденцию пересылали на главный почтамт Велсинга. Это пришло еще вчера, но я не хотел отвлекать вас перед... намеченным визитом.

Письма он предварительно просмотрел и разложил именно в том порядке, в котором мне хотелось бы их прочесть: внизу — кипа стандартных посланий из всевозможных обществ и попечительств с просьбами посетить, поддержать и оказать, а на самом верху — письмо от отца. Я прочел его с радостью и не один раз, прежде чем взялся за следующий конверт.

— Дома все хорошо, — с улыбкой сообщил я тайлубийцу.

— Я рад, дэй Джед.

Далее шла гневная петиция от тетушки Мадлен. Старушка грозилась лишить меня наследства, если не стану навещать ее хотя бы раз в месяц. Не то чтобы я жаждал стать обладателем скрипучего кресла-качалки и облезшей кошки, но проведать престарелую родственницу стоило. Сейчас она сильно сдала, но детские воспоминания о ней у меня сохранились самые теплые.

— Унго, пошли в пансион Солайс письмо и чек на двадцать грассов больше обычной месячной платы. Пусть купят цветы и фрукты для тетушки и скажут, что я прислал. Съезжу к ней, когда все утрясется.

— Хорошо, дэй Джед.

Из следующего письма я узнал, что через три седмицы меня, скорее всего, свалит в постель пневмония, почечные ко-

лики или еще какой-нибудь недуг: кузина Бернадетт напоминала об очередной годовщине своей свадьбы. Нет, я люблю Берни, и Алэн, ее муж, мне очень симпатичен. Но их дети! Сначала они в три голоса требуют от меня «показать волчка», а когда я соглашаюсь (как можно отказать детям?), по часу не слезаю со спины, мнут уши и дергают за хвост. Обычному человеку не понять, какая это уязвимая часть тела — хвост. Поэтому однозначно — пневмония.

Как раз успею выздороветь ко дню рождения дяди Грегори. У него лучшие виноградники на юге Вестолии. А какие охотничьи угодья! Я отложил приглашение, чтобы Унго отметил этот визит в календаре, но тут же спохватился. Камень, я должен искать камень. А вдруг случится чудо и алмаз уже к концу месяца окажется в моих руках? Тогда я успею. Тогда... Эх, тогда я даже Берни навещу, пожертвую хвостом. И остальных... Куда там еще меня зовут?

Прочтя следующее послание, я растерялся. Смотрины. Бывать на подобных мероприятиях мне еще не приходилось.

— Ты что-нибудь знаешь о князе Дманевском, Унго? — заинтересовался я.

— О Вилаше Дманевском, который в годы короля Эда получил земли на западном берегу Фритса, нашел там руду и уголь, сколотил на этом состояние, а сейчас взялся выращивать лошадок для конницы ее величества Элмы? Нет, не знаю, дэй Джд.

Значит, делец. Тогда удивляться не стоит.

— Князь Дманевский предлагает графу Гросерби часть угодий, угольный карьер и руку дочери. Мило, не правда ли? Разве подобная инициатива должна исходить не от жениха?

— Князь из Селстии, там так принято. И я считаю весьма похвальным, что отец заботится о судьбе единственной дочери.

— Единственной? Тогда это щедрое предложение.

А девица (если она еще девица) наверняка уродлива, глупа или имеет какой-нибудь изъян, о котором ее супруг узнает только после свадьбы.

— Дэйни Лисанна — магесса, — просветил меня Унго.

Вот это уже забавно.

— О ней ты тоже ничего не знаешь?

— Совсем ничего. Кроме того, что, по слухам, она хороша собой, добра, почтительна и совсем недавно закончила обучение в пансионе дэйны Алаиссы Муэ. Выпускницы данного заведения считаются лучшими целительницами в Вестолии.

Целительница? Как банально. Но для женщины умение подходящее. Правда, я слышал, что некоторые из этих дам используют свои таланты не только во благо ближних. Возможно, именно в этом подвох? Князь на выгодных условиях предлагает руку дочери знатному дэю, а через два месяца она уже вдова и наследница всего состояния покойного супруга. Полгода траура — и история повторяется. Лет за пять таким образом можно заполучить половину земель королевства, если, конечно, не размениваться на мелкопоместных дворянчиков.

— Вы плохо думаете о людях, дэй Джед, — покачал головой Унго, когда я поделился с ним измышлениями.

— Просто я слишком хорошо их знаю.

Лисанна

Двери в кабинет дэйны Алаиссы двойные. Когда она не хочет, чтобы беседа была услышана в приемной, закрывает и внешние, и внутренние. Но сегодня не тот случай. И говорила она громко наверняка специально. Для меня. Как будто я без этого не понимаю, как будто мне и так не стыдно...

— Речь не идет о лечении рукоположением или о коррекции астрального поля, дэй Вилаш. Ваша дочь не способна приготовить простейшее лекарство, имея перед собой рецепт и подробную инструкцию! Вместо целебных смесей у нее получается отравы.

— Возможно, вы немного преувеличиваете...

— Преувеличиваю? Ничуть. На прошлой седмице я поручила ей сделать мятные пастилки от кашля. Большой скончался в страшных судорогах.

— О-о-о...

Так и вижу, как отец схватился за сердце.

— Не волнуйтесь, это была лабораторная крыса. Мы не позволяем вашей дочери практиковаться на людях.

Громкий вздох облегчения.

— Но Лисанна писала мне, что лечила нескольких человек.

— Да, три месяца назад. После этого мы и решили, что не можем больше рисковать репутацией нашего заведения. Прочтите, тут подробные отчеты о деятельности вашей дочери.

Зашуршали бумаги, а директриса продолжила:

— Всего-то и нужно было свести прыщи с лица пожилой дамы и избавить одного дэя от мучившей его мигрени. И посмотрите, что вышло.

— Корона Создателя! Это же... это... Если пансион понес какие-то убытки, я готов возместить. Они же наверняка жаловались...

— К счастью, нет. Дэйна Розетта оказалась актрисой передвижного театра. Теперь, как бородатая дама, она имеет большой успех у публики и даже рада подобным метаморфозам. К тому же прыщи и в самом деле сошли.

— А этот дэй? Который с рогами?

— Он умер. Не переживайте, с Лисанной это никак не связано. Его убили на дуэли. Любовник его жены.

— То есть рога — это как бы небезосновательно?

— В какой-то степени — да, — хихикнула директриса. — Но это не отменяет того, что ваша дочь не сможет сдать выпускных экзаменов. С теорией она, безусловно, справится, но найти добровольца для практической демонстрации я не смогу. Люди дорожат здоровьем, дэй Вилаш. А встреча с дэйни Лисанной ничьему здоровью на пользу не пойдет.

— Я вас прекрасно понимаю, дэйна Алаисса. Но, возможно, мы смогли бы как-нибудь договориться...

Тут она, видимо, закрыла внутреннюю дверь, так как я перестала их слышать.

Разговор затянулся, и я надеялась, что отец сумеет убедить директрису дать мне шанс. Но, когда отец наконец-то вышел, по одному его виду было понятно, что мои надежды не оправдались.

— Пойдем, дорогая. Прогуляемся по саду.

Во взгляде его подслеповатых блекло-голубых глаз мешались разочарование и сочувствие, седые усы удрученно обвисли, а на лысине поблескивали капельки пота.

— Не расстраивайся, милая, — говорил мне он, когда мы шли по вымощенной узорными плитами аллейке. — Свидетельство об окончании срочных курсов ты получишь. А большего для девушки твоего положения, я считаю, и не нужно. Я все равно не позволил бы своей дочери практиковать в какой-нибудь лечебнице.

— Но я бы могла... — начала я и тут же сникла под строгим взглядом родителя.

— Лисси, я хотел отложить этот разговор до твоего возвращения в Уин-Слитт, но лучше скажу сейчас. Я никогда не строил серьезных планов по поводу твоих чудесных способностей. Это было бы неплохим дополнением, но раз не вышло, то, ду-

маю, вполне хватит родословной, богатого приданого и твоих личных качеств.

— Для чего хватит?

— Для того, чтобы устроить твоё счастье с достойным человеком.

Хорошо, что нам попалась скамейка и я смогла присесть. Нужно знать моего отца: он никогда не заговорил бы об этом, если бы уже не имел на примете «достойного человека».

— Ты слыхала что-либо о графе Гросерби?

Нет, до сегодняшнего дня я ничего не знала об этом дэе. Да и после беседы с отцом знаний у меня не прибавилось. Он сказал лишь, что Эрик Фицджеральд Леймс второй, граф Гросерби, посетит в конце месяца Уин-Слитт. Там нас представят друг другу. А далее, как я поняла, — дело уже решенное. И мое мнение никого не интересует.

— Ты даже не возражала? Это же твоя жизнь!

С Милисентой я познакомилась в первый день пребывания в заведении дэйны Алаиссы. Нам тогда было по тринадцать лет. С тех пор мы делили на двоих комнату в пансионе, наряды и украшения, а вместе с ними — все тревоги и радости. Кому еще мне было жаловаться?

— А ты бы спорила?

— Я? — Подруга заправила за ухо выбившуюся из прически смоляную прядь и сердито сверкнула черными глазищами. — О да! Как можно просватать девушку без ее ведома? Что за дикие нравы?

— Это не дикие нравы, — возразила я. — Это — действующие законы Вестолии. Пока мне не исполнилось двадцати лет, моего согласия на брак не требуется. Достаточно согласия родителей или опекунов. Если бы я получила диплом и степень мага, то, независимо от возраста, считалась бы уже дееспособной и имела бы право на самостоятельное принятие решений. А с тем свидетельством, которое отец выторговал у Алаиссы, я — никто.

Что-что, а теорию, в том числе и теорию гражданского права, я знаю отлично.

Милисента перестала метаться по комнате и присела рядом со мной на софу.

— Может, он тебе еще понравится? Что твой отец о нем рассказывал? Как он выглядит? Сколько ему лет?

— Кажется, наши земли граничат. И если мы поженимся, Гросерби и Уин-Слитт объединятся...

Это все, что я запомнила из разговора с отцом.

— Значит, придется ждать встречи?

— Не придется.

Я пальцем подманила подругу и шепотом поделилась с нею возникшей у меня идеей. Идея была одобрена, и, не откладывая на потом, мы взялись за ее реализацию.

Выйти за ворота пансиона не проблема для завтрашних выпускниц: девушки часто ходят в город. Но, если стража или гвардейцы наместника задержат нас за пределами Солнечного кольца, скандала не избежать. Эта часть Райнэ — не место для прогулок благовоспитанных девиц. Тут на каждом углу питейные заведения, а по улицам шныряют подозрительные личности. Говорят, здесь есть подпольные притоны, где посетители курят маковую пыль, а женщины недостойного поведения предлагают себя за деньги. Говорят также, что некоторые из этих женщин, чтобы привлечь внимание, одеваются в форму пансионеров. Мне кажется, это полная ерунда: что привлекательного в казенном синем платье с кружевным белым передником? Но Милисента слыхала об этом не раз, а потому наряды мы выбрали такие, чтобы нас не приняли ни за пансионерку, ни за, упаси Создатель, тех самых женщин: скромные темные платья и шляпки без цветов и украшений — две молоденькие мещанки, случайно забредшие в этот квартал.

Чудом не заблудившись на узких кривых улочках, мы в конце концов остановились перед обшарпанной дверью. Ни таблички с именем, ни звонка. Но подруга не сочла последнее проблемой и решительно забарабанила кулаком по шершавым доскам.

Послышались шаги и непонятная отрывистая речь. Должно быть, на каком-то иностранном языке, так как я не разобрала ни слова, хоть вначале мне и показалось, что кто-то зовет мать. Заскрипел засов, дверь отворилась.

— Чего вам? — неприветливо поинтересовалась возникшая на пороге женщина.

— Мы бы хотели видеть дэйну Хильду, — сказала я, отпрянув назад — от этой особы невыносимо разило табаком.

— Я похожа на дэйну? — Хозяйка продемонстрировала в кривой улыбке желтые зубы.

Нет, на уважаемую дэйну она совсем не походила: всклокоченные седые волосы, смуглое морщинистое лицо, пестрая одежда, обшитая лентами, бусами и блестящими монетами, а в руке — дымящая трубка. Но нужно же было как-то к ней обращаться?

— Входите, коль не передумали.

Дверь перед нами распахнулась шире.

Милисента подтолкнула меня в спину.

Внутри оказалось не так уж страшно. Из темной прихожей мы проследовали в просторную комнату с круглым столом в центре. На стенах висели связки сушеных трав, костяные бусы, звериные лапы и прочая шарлатанская атрибутика. А запах табачного дыма мешался тут с ароматом благовоний.

— Зачем пожаловали к старухе Хильде? Погадать?

Эта женщина слыла лучшей прорицательницей в Райнэ.

— Не просто погадать. Хотелось бы посмотреть.

— На суженого? — осклабилась гадалка.

— На суженого, — согласилась я и добавила, вспомнив то, что любила говорить моя бабушка: — На ряженого.

— Не советую, — покачала головой Хильда.

— Что не советуете?

— На суженого ряженым глядеть не советую. Лучше уж выбрать момент да в купальне где-нибудь подсмотреть. Или когда он ко сну готовится. Заодно и оценишь... хм... перспективы семейной жизни.

Кровь прилила к щекам, и я отчаянно замотала головой.

— Тю! — Старуха сплюнула прямо на пол. — Голого мужика никогда не видала?

— Видела, — покраснела еще сильнее я.

Видела, и даже дважды. Первый раз — в анатомическом атласе. Цветном, между прочим! А во второй раз — на практике. Мы препарировали мужской труп. Правда, причинное место у него было закрыто салфеткой. Но потом доктор Арвьер нечаянно задел ее, и... В общем, совершенно ничего интересного.

— Ясно, — ухмыльнулась гадалка. — Линии судеб просчитаем или как?

— Не надо линии. Я имя знаю.

— Имя? — Она недовольно поморщилась. — А может, вещицу какую от него имеешь?

— Нет. Только имя.

— Ладно. Хоть имя давай.

— Эрик Фицджеральд Леймс, — раздельно произнесла я. — Из Гросерби.

Титул уточнять не стала. Старуха и так подозрительно сощурилась, заслышав, как зовут моего «суженого».

— Погоди, — махнула она. — Рано пока.

Гадалка достала из шкафа большое серебряное блюдо и водрузила его в центр стола. Из кувшина налила в него воду, сыпанула щепотку белого порошка из пузатой склянки. Над водой поплыл густой молочный туман.

— Теперь говори.

— Эрик Фицджеральд Леймс, — отчего-то стуча зубами, пробормотала я. — Из Грос... Гросерби...

Марево над блюдом рассеялось, по воде прошла рябь.

— Смотри.

Серое пятно. Розовое пятно. Зеленое пятно. Большое овальное пятно, которое еще раз пять сменило цвет, прежде чем начало приобретать человеческие черты. Темные глаза. Темные волосы. Прямой нос. Густые брови. Гладковыбритый подбородок с ямочкой...

— Красавец, — хмыкнула гадалка.

За что же вы так со мной, папенька?

Мужчина был хорош. Для Хильды. И по возрасту ей подходил — на вид ему было не меньше шестидесяти.

— Может, вы ошиблись? — Я с мольбой взглянула на гадалку.

— Если ты с именем не напутала, то и я не ошиблась, — сказала она спокойно. — Но ежели сомневаешься, не плати. Убедишься — тогда и долг пришьешь.

Мне не хотелось верить, что это моя судьба глядит на меня со дна серебряного блюда, но и оставаться должницей старой ведьмы я не желала. Бросила на стол пару монет, схватила за руку подругу и кинулась прочь из этого дома.

К сожалению, Хильда не ошиблась. Подтверждение отыскалось в учебной библиотеке, в подшивке «Парламентского вестника» за прошлый год. Дэй Эрик Леймс оказался человеком известным, и когда Милисенте пришлось в голову поискать информацию о нем в королевских реестрах, архивариус, едва заслышав имя, подсунил нам эту стопку газет.

С недавних пор в новостных листках появились рисунки: сначала портреты королевы-матери и юного короля, потом пейзажи, а теперь даже в светских хрониках мелькали то наря-

ды дэйны А., то прически дэйны В. Но особой популярностью пользовались «живые» зарисовки с судебных слушаний или заседаний совета.

— Смотри, внизу страницы.

Милисента дернула меня за рукав, но я и сама уже нашла нужную иллюстрацию: ар-дэй Леймс читает доклад. Художник постарался на славу: лицо, прорисованное до мелочей, отражало ум и сдержанность, а весь облик докладчика излучал спокойную уверенность в себе: гордая осанка, высоко вздернутый подбородок... Но это все равно был он — мерзкий старикан!

На глаза набежали слезы, и попытки прочесть саму речь успехом не увенчались, буквы плясали и расплывались. Что-то о земельном налоге и правах арендаторов. Какая мне, впрочем, разница?

С трудом переставляя ноги, поддерживаемая подругой, я добралась до комнаты и тут уже разрыдалась.

— Еще не все потеряно. — Милисента погладила меня по плечу. — Поговори с отцом...

— Нет! — Я села и вытерла слезы. Короткой истерики хватило для принятия решения. — Я не стану с ним говорить. Ты что, не понимаешь, что все уже решено? Я не оправдала ожиданий семьи, шесть лет обучения прошли впустую. И граф Эрик — моя кара. Но отец ошибается, если думает, что я приму это наказание безропотно!

— Что ты задумала, Лисси?

— Я... Я уйду в орден Милосердия! Они никому не отказывают. А чтобы работать в лечебнице для бедных, магическая степень не нужна.

— Уйдешь к сестрам? — не поверила подруга. — Дашь обет безбрачия и откажешься от светской жизни?

— Все лучше, чем выйти замуж за человека в три раза старше меня.

— Вот как? — Милисента в задумчивости присела рядом.

— Да, так, — сказала я твердо. — Раз уж я и без того позор семьи, хуже не будет.

— Хорошо, — кивнула подруга. — Но давай повременим с позором, а? В монастырь ты всегда успеешь, а пока можно попробовать прожить полгода так, как это подобает знатной выпускнице нашего заведения. Тебе ведь полгода осталось до двадцатилетия?

— Полгода и пять дней.

— Не важно. При желании можно и год продержаться. И потратить его на то, чтобы доказать отцу, что ты вправе сама принимать решения.

Я непонимающе заморгала.

— Помнишь, я говорила, что просила дядю Альберта взять меня судовым лекарем на «Стальную чайку»? Ты еще не верила, что он согласится: мол, женщина на корабле и прочие суеверия... Помнишь?

— Конечно, помню.

Забудешь тут! Подруга буквально бредила морем, все уши мне прожужжала, как будет здорово, если дядя, являющийся ее опекуном (родители Милисенты умерли), возьмет ее на свою шхуну. Мне кажется, она не то что лекарем, а судомойкой туда пошла бы.

— Так вот, он согласился!

— Что?

— Он согласился, — радостно пропела подруга. — Через три дня «Чайка» будет в порту Райнэ, и дядя Альберт заберет меня с собой!

— Через три дня?! И ты молчала?

— Лисси, не сердись, пожалуйста!

— Ты собиралась уехать, не дождавшись выпускного бала, и ни слова мне не сказала?

Самые близкие люди меня предают: отец хочет выдать замуж за старика, подруга бросает накануне выпускного. Решительно, монастырь — лучшее для меня место!

— Ну не дуйся, прошу, Лисси! Я никому не говорила, совсем никому. И теперь, — она хитро улыбнулась, — мое молчание сыграет нам на руку.

Я все еще злилась, но не смогла сдержать любопытства:

— Как это?

— Ты же знаешь, что к каждому выпуску в пансион приходят запросы от тех, кто хотел бы занять домашнего целителя? Так вот, Алаисса предложила мне поработать по одному из таких заказов: престарелой дэйне, обитающей в Лазоревой Бухте, нужен кто-то вроде сиделки и компаньонки в одном лице. Я пока не отказывалась, а теперь и не стану. Возьму письма, рекомендации, но на побережье вместо меня поедешь ты! Приличное общество, необременительные обязанности — не это ли нужно молодой девушке для начала самостоятельной жизни? Проживешь там до зимы, отпразднуешь двадцатый день рож-

дения, а потом напишешь отцу. Думаю, он к тому времени остынет и будет рад принять потерянную дочь в любом случае. А когда узнает, чем ты занималась все это время...

— А если у меня будут хорошие отзывы... — подхватила я воодушевленно.

— Вот именно!

— Но ведь это же подлог! Мне придется пользоваться твоим именем, твоими рекомендациями...

— Работа по доверенности? — подмигнула подруга. — Завтра мне нужно будет наведаться на почту, а заодно можем зайти к нотариусу и составить договор. Тебе ведь не обязательно демонстрировать его нанимательнице? Да и законникам вряд ли придется. Кто заинтересуется компаньонкой старушки, которая, как я поняла, носу из дому не кажет? Ну что, не сердиться на меня больше?

— Нет, но...

— Что «но»? — нахмурилась Милисента. — Тебе не нравится мой план? Считаешь, будет лучше заживо похоронить себя в ордене Милосердия?

— Это опасно. И отец будет меня искать. Как только он узнает о моем исчезновении, мои приметы будут у стражников во всех городах Вестолии, у дорожных патрулей и гостиничной охраны. А еще у агентов криминального сыска, агентов гражданского бюро, у вольных охотников за головами... Да и вообще — на каждом столбу!

— А какие у тебя приметы? — наигранно удивилась Милисента. — Девушка как девушка.

— А это? — Я оттянула вверх прядь волос.

— А над этим придется поработать.

Необычный, серебристо-пепельный цвет волос и дар врачевания передавались в нашем роду по женской линии. Увы, мой дар оказался недостаточно силен, чтобы обеспечить мне свободу, а теперь предстояло проститься с серебряными локонами.

ГЛАВА 2

Джед

Как ни странно, но на следующий день ни газеты, ни сплетницы-торговки ничего о ночном происшествии в доме Лен-Лерронов не рассказывали. И через день — тоже.

Унго предположил, что дэй Роджер решил не сообщать об ограблении: алмаз был фальшивым, а стоимость остальных камней не настолько велика, чтобы ради них поднимать шумиху вокруг своего имени. Ведь преступник, то есть я, проник в дом во время приема, в то время, когда баронет лично нес ответственность за безопасность гостей.

Меня такое объяснение не удовлетворило: волчье чутье, которое нет-нет да и давало о себе знать, подсказывало, что не все так просто.

Жаль только, оно не подсказало немедленно собирать вещи и уносить хвост из Велсинга. А когда на утро третьего дня в прихожей зазвонил колокольчик, было уже поздно...

Вернувшийся в гостиную Унго показался мне побледневшим. Впервые в жизни я подумал о том, что тайлубийцы могут бледнеть. Но я и сам, должно быть, сделался белым, как воротничок рубашки моего друга, дворецкого и с недавних пор сообщника, когда прочел имя на протянутой им визитке.

— К вам дэй Лен-Леррон, — сказал Унго севшим голосом, словно сомневался, что я прочел правильно. — Тот самый...

Я поднялся навстречу гостю. Мимоходом взглянул в висевшее на стене зеркало. Из резной деревянной рамы на меня встревожено зыркнул худощавый молодой человек. Небрит, растрепан, рубашка небрежно расстегнута на груди. Вряд ли дэю Роджеру есть дело до того, как я выгляжу, но я все же пригладил волосы и привел в порядок одежду. Как раз успел до того, как дверь отворилась и в гостиную прошествовал высокий грузный мужчина лет пятидесяти. Черные с проседью волосы визитера были заплетены в короткую косичку. Усы тщательно напомажены и подкручены вверх, что придавало его облику некоторую комичность, но при взгляде в холодные голубые глаза нежданного гостя улыбаться совсем не хотелось.

За Лен-Лерроном, подслеповато озираясь, шел невысокий полненький человечек с рыжей козлиной бородкой и косматыми бровями. Этот тоже казался бы забавным, не будь на нем коричневой мантии мага-дознавателя.

— Дэй Селан, я полагаю, — с ходу обратился ко мне Лен-Леррон.

Если поднять архивы нашей семьи, можно легко, всего за час копания в пыльных документах, убедиться в том, что Селаны значились среди моих многочисленных предков. И я носил

это имя с гордостью и на законных, с некоторыми оговорками, основаниях.

— Да, именно так. Чем могу служить?

Гость проигнорировал мой вопрос и повернулся к своему спутнику. Толстяк хмуρο покосился в мою сторону и кивнул.

— Что ж, дэй Алессандро. Приступайте.

Даже решишь я бежать, мне это не удалось бы: одного взгляда мага хватило, чтобы тело сделалось тяжелым и непослушным. Я застыл на месте, и ничто не помешало дознавателю приблизиться. Ноздри защекотал странный аромат — смесь сандала и чеснока — а на запястье защелкнулся ледяной браслет. Но когда я, сбросив оцепенение, поглядел на руку, то успел заметить лишь слабо светившиеся символы. Затем магические знаки будто впитались в кожу — премерзкое ощущение, как и лютбое, связанное с людскими чарами.

— А теперь поговорим, молодой человек, — после того, как маг скрылся за дверью, дэй Роджер без приглашения развалился в кресле. — Это ведь удобно — назвать вас человеком? Насколько я знаю, метаморфы не возражают против подобного обращения.

— Потрудитесь объяснить... — начал я возмущенно, но голос предательски сорвался на щенячий визг.

Лен-Леррон укоризненно покачал головой.

— Не кипятитесь. Присядьте. Объяснить? Пожалуйста. Вы только что были арестованы полномочным представителем префектуры Велсинга и в ближайший час предстанете перед судом — правосудие у нас вершится быстро.

Услыхав эту дивную новость, я ошарашенно шмякнулся в кресло напротив гостя.

— Два дня назад, — продолжал дэй Роджер, — во время приема в моем особняке было совершено дерзкое ограбление. Некий метаморф, используя вторую ипостась, сумел миновать охрану и пробрался в комнату моей жены. Зная, что облик оборотня, недавно перенесшего трансформацию, не откладывает в памяти обычного человека, грабитель не особо осторожничал, а отсутствие на нем одежды сыграло ему на руку — дэйна Аврора испытала сильнейший шок и не смогла ни помешать наглецу, ни позвать на помощь. Нужно сказать, что план был хорош, преступник знал, что охранные чары из-за находящихся в доме гостей будут сняты, а ограбленная им дама при встрече не вспомнит его лица. Но вор кое-что не учел. Да, все заклин-

нания были деактивированы, но одно, действующее постоянно и наложенное независимо от защитных, сработало. Поймите меня правильно, дэй Селан, я уже почти старик, а моя супруга молода и красива. Я довольно снисходительно смотрю на некоторые вещи, но и оставить жену без присмотра не могу. А потому строго слежу за тем, кто и когда посещает ее спальню.

Я почувствовал, как холодеют вцепившиеся в подлокотники пальцы.

— Пришлось повозиться, чтобы вас опознать, — продолжил гость. — Потом потратить еще немного времени, чтобы выяснить, где вы остановились, и собрать полную информацию.

— Насколько полную? — выдавил я.

— Достаточную, чтобы подтвердить перед законниками вашу личность, — махнул рукой баронет, и я с облегчением вздохнул.

Впрочем, облегчение это было временным. Через месяц или два, когда отец, не получив ответа на очередное письмо, начнет меня искать, правда все равно откроется...

И как он воспримет известие о том, что его сын — вор? Что станет говорить обо мне своим детям Берни, если меня отправят в тюрьму? А дядя Грегори? У него, отставного генерала, часто собирались высшие армейские чины — будут ли они навещать к нему как прежде, когда эта история всплывет? А если какая-нибудь старая гримза из пансиона Солайс, наслушавшись сплетен или начитавшись газет, расскажет обо всем тетушке Мадлен?

— Вижу, вы задумались, дэй Джед. Могу я узнать о чем?

— Конечно. — Я твердо взглянул в глаза гостя. — Мне интересно, зачем вы говорите со мной. Почему пришли лично? Почему выпроводили из дома мага? И, в конце концов, почему я до сих пор не предстал перед вашим скоростным правосудием?

— А вы так к этому стремитесь? Нет? Тогда, может быть, и не придется.

— Слушаю вас.

— Возможно, мы с вами сумеем помочь друг другу, — осторожно начал человек. — Не так давно я попал в щекотливую ситуацию, разрешить которую предпочел бы без посторонней помощи. Но, увы, я не обладаю вашими способностями, а довериться кому-либо... Разве что тому, чья жизнь и судьба целиком и полностью находятся в моих руках.

В груди шевельнулось нехорошее предчувствие, но мне

оставалось только изобразить заинтересованность. Был же я заинтересован в том, чтобы выбраться из этой передрыги?

— Но прежде позвольте сделать еще одно предположение, дэй Селан. Из того, что я узнал о вас, видно, что вы не стеснены в средствах и на обычного преступника мало похожи. А способ ограбления, который вы избрали, говорит о некотором э-э-э... непрофессионализме. И тогда я решил, что, возможно, вас лично интересовало ожерелье моей супруги. Точнее, один камень из этого ожерелья. Вспомнил, что трижды за последние два месяца у меня хотели его купить... Я с радостью продал бы его, если бы, как вы уже наверняка знаете, не сделал этого ранее. Но меня заинтересовало, чем же бриллиант так ценен помимо своей рыночной стоимости. И знаете что?

Я непроизвольно подался вперед.

— Ничего, — пожал плечами дэй Роджер. — За несколько лет камень сменил десяток владельцев, мне даже не удалось узнать, кому он принадлежал изначально. Знаю только, что у каждого нового хозяина неизменно находились причины для перепродажи. Такое ощущение, что алмаз намеренно не задерживается надолго в одних руках... Он убегает. Убегает от меня и прячется.

— К чему вы заговорили о камне? — спросил я, стараясь хотя бы внешне казаться спокойным.

— Да так, — хмыкнул в усы Лен-Леррон. — Оставим в покое алмаз и его тайны и вернемся к моей печальной истории. Я же могу рассчитывать, что она останется между нами, дэй Джд? Итак, в прошлом году, осенью, я по рекомендации целителей отдыхал на водах в Брейгене. Один. Я имею в виду — без супруги. Пробыл там почти месяц. Грязи, купальни. По вечерам — походы в местный театр, к слову достаточно неплохой для провинции. Свел некоторые знакомства... Думаю, как мужчина вы меня поймете.

Он снабдил выразительным взглядом образовавшуюся после этих слов паузу, и я решился на предположение:

— Речь пойдет о чести дамы?

Мужчина неприязненно поморщился:

— У этой особы нет чести. Меня представили ей на одном из благотворительных вечеров. Обычно я сдержан в эмоциях, но тут... Думаю, это не случайно и были применены некие средства: чары, дурмящий напиток, какие-нибудь специфические духи — мало ли подобных секретов у женщин? Но тогда я был

уверен, что это внезапная и искренняя страсть. И в порыве этой страсти я написал два письма. Первое — практически невинное и, за исключением нескольких фраз, вполне пристойное. А вот второе было написано уже после... мм... совместно проведенных вечеров. В том письме я опрометчиво упомянул некоторые моменты нашего общения, которые, как тогда казалось, хотел сохранить в памяти навечно. А теперь и рад бы забыть, но, увы, мне никак не дают этого сделать. Эта дама — не стану пока называть ее имени — появилась в Велсинге в середине зимы. Послала мне записку, попросила о встрече. К тому времени я уже остыл и не желал продолжения знакомства, но из вежливости поехал. Поначалу она прикинулась овечкой, сказала, что попала в бедственное положение и остро нуждается в деньгах, попросила о помощи. Я решил, что разговор пойдет о займе, и готов был оказать ей эту услугу, но...

— Короче говоря, вас шантажируют теми письмами? — не выдержал я.

— Да. Я уже трижды выплачивал этой особе немалые суммы, а ее аппетиты только возрастают. Но пока письма в руках у этой женщины, я не могу рисковать и вынужден платить.

Меня удивило его признание. У людей, в отличие от волков, супружеская верность не в чести, и наличие связей на стороне, как для мужа, так и для жены, считается едва ли не нормой. А дэй Роджер, похоже, всерьез переживал за свой брак.

Но семейные проблемы Лен-Леррона отходили на второй план в сравнении с моей догадкой: я понял, о чем попросит меня странный гость в обмен на мою свободу и спокойствие родных. Недаром ведь он сетовал на то, что не имеет моих способностей.

— Может, вам рассказать обо всем жене? — предложил я, не дожидаясь, пока он озвучит свои требования. — Как я понял, отношения у вас достаточно вольные...

Мужчина раздраженно махнул на меня рукой, заставляя умолкнуть.

— Ничего вы не поняли, дэй Джед. После нашей свадьбы Аврора получила мое имя и титул, а я — возможность распоряжаться частью доставшихся ей от родителей средств. Смог оплатить долги, выкупить имение, вести жизнь, приличествующую дворянину. В случае развода моя супруга имя и титул сохранит. А вот я потеряю буквально все. Я и сейчас имею не слишком много. Для того чтобы заплатить вымогательнице, я

вынужден был продать камень, который так вас интересует. Благо Аврора не заметила подмены: она не слишком хорошо разбирается в драгоценностях, а эти капли с белладонной... Вы обратили внимание, какие красивые глаза у моей жены? Эти расширенные зрачки, как два темных омута. Но за красоту пришлось немного поступиться зрением. Конечно, это не могло бы продолжаться вечно, но ваш дерзкий поступок избавил меня от необходимости объясняться с женой...

— А если вы сдадите меня законникам, подмена камня откроется. — Я решил сыграть на внезапно открывшихся обстоятельствах. — Маги-дознаватели подтвердят, что я не нарушал целостности ожерелья, а вынес его из вашего дома уже с подделкой. Ваша жена все узнает.

— Вероятно, да, — пожал плечами дэй Роджер. — Но вам будет уже все равно.

Посох Создателя, он прав!

— Что ж, дэй Джед, думаю, вы уже поняли, что я хочу вам предложить. Добудьте мне мои письма, а я забуду об этом маленьком недоразумении с ожерельем. У меня давно зрела мысль нанять кого-нибудь, чтобы вернуть свои послания, но я боялся, что письма окажутся не в тех руках и мне придется расплачиваться уже с другим шантажистом. Вам же я в сложившихся обстоятельствах могу полностью доверять. Согласны?

— Нет.

Ложь влечет за собой еще большую ложь. Одно преступление ведет к следующему. Если не остановиться, из этого порочного круга не вырвешься.

— Это ваш окончательный ответ, дэй Джед? А если к благодарности за помощь я присовокуплю имя человека, купившего алмаз?

Лисанна

В предшествующей выпускному балу суете, когда пансионерки носились по лавкам и навещали модисток, мы с Милисентой, не привлекая лишнего внимания отлучками, успели составить доверенность на выполнение работ и собрать вещи. Часть гардероба мне удалось продать, выручив достаточно средств на дорогу до Лазоревой Бухты, а дальнейшие расходы должна была взять на себя баронесса Солсети, моя нанимательница.

Подруга заранее получила у дэйны Алаиссы рекомендательные письма, а когда прибыл ее опекун, устроила так, что он и

словом не обмолвился директрисе о том, что сам предоставил племяннице работу. Только сказал, что забирает ее, не дожидаясь официального выпуска. Вместе с вещами Милисенты пансион покинул и мой багаж, а сама я отпросилась проводить подругу в гостиницу.

— Дэйна Алаисса, разрешите Лисанне остаться у меня на ночь! — с жаром запросила Милисента. — Она вернется к завтраку. Нет, она позавтракает с нами и вернется. Да, дядя?

Дэй Альберт не успел ничего сказать, как я «вспомнила»:

— Мне же после завтрака к портнихе, ты забыла? Мое платье должно быть уже готово!

— Значит, заберешь его и будешь в пансионе к обеду.

Был и запасной план на случай, если директриса не согласится, но дэйна Алаисса поглядела на нас с умилением, пробормотала что-то вроде: «Эх, молодость...» — и позволила мне остаться с подругой в городе, взяв обещание появиться в пансионе к вечеру следующего дня.

Знала бы она, где я буду вечером!

Но сначала — волосы.

Едва устроившись в гостинице, точнее попросту бросив в номере вещи и меня, Милисента отправилась с дядей в порт, смотреть шхуну, на которой ей предстояло провести ближайшие месяцы, а если понравится, то и всю жизнь. По мне, так странно, как это — провести жизнь в море. Но вся семья Милисенты была помешана на путешествиях. Подругу не остановило даже то, что одно такое путешествие стоило жизни ее родителям, и то, что к женщинам на кораблях относятся с некоторым предубеждением. Я видела, что она буквально светится от счастья, и будь на то ее воля, не задержалась бы в городе ни на час — тут же устроилась бы в каюте на борту «Стальной чайки».

Обо мне она как будто забыла. А ведь предстояло еще приготовить краску и избавить меня от главной приметы. Конечно, можно было купить готовое средство, но мы с Милисентой рассудили, что, когда меня станут искать, могут выяснить, в каких лавках мы с ней бывали и что покупали, и прийти к верным выводам насчет изменения моей внешности.

Оставшись в одиночестве, я решила выбрать подходящий состав в книге, которую мы прихватили из библиотеки. Книга была новая, не сравнить со старыми справочниками, авторы которых отчего-то предпочитали выражаться витиеватыми фразами и метафорами, тут были точные рецепты и подробные

указания. А еще — цветные иллюстрации, чтобы можно было заранее узнать, к какому эффекту приведет использование того или иного средства. Я выбрала для себя краситель под названием «Огненная ночь». Рядом с инструкцией разместилось изображение жгучей брюнетки. Картинки были непростыми, и волосы нарисованной красавицы отливали живым блеском и огненными сполохами. Эти сполохи и объясняли название. А рецепт был совсем несложным... Нет, все же нужно дождаться возвращения подруги. Вдруг снова что-то напутаю?

Хотя что тут можно напутать? Всего пять составляющих. Пропорции приведены в точностях до грана. И неужели я такая неумеха, что не приготовлю какую-то краску?

Смешав ингредиенты точь-в-точь, как было указано в книге, я в последний раз взглянула на себя в зеркало. Жаль было прощаться с такой красотой. Без серебра в волосах я превращусь в обычную, ничем не примечательную девушку. Впрочем, темные волосы должны хорошо оттенять белую кожу, и голубые глаза будут казаться ярче.

Рассуждая так, я с воодушевлением принялась размазывать по волосам густую темно-коричневую пену. Вот Милисента удивится, когда вернется!

Милисента удивилась. Очень.

— Лисси, — простионала она, хватаясь за сердце. — Что ты с собой сделала?

К ее приходу я успокоилась и перестала рыдать, но, услышав этот вопрос, всхлипнула.

— Все по инструкции. Я несколько раз проверила. И до, и после...

— Милая моя, — подруга дотронулась до моих волос, погладила, — я тебе верю, но... Что ж, главное, теперь они не серебряные. А в инструкции могла быть ошибка. Покажи, что ты делала?

— Вот это! — Я со злостью ткнула в открытую книгу. — «Огненная ночь». Все точно смешала, гран в гран.

— Точно? — Новый лекарь «Стальной чайки» озадаченно потерла нос, перевернула страницу и подняла на меня вопросительный взгляд: — Ты до конца дочитала?

— Конечно!

— И на обороте?

— На обороте?!

— Да, вот это: «Состав «Огненная ночь» придаст вашим темным волосам волшебный оттенок пламени».

— Темным волосам?!

— Ох, Лисси, это средство для тех, у кого и так темные волосы. Оно придает им рыжеватый оттенок, это красиво.

— У-у-у, — взвыла я, словно какой-то метаморф. — Кто пишет об этом в конце рецепта? Да еще и на обороте? Это нужно было писать в самом начале! И большими буквами! «Огненная ночь». Только для тех, у кого «ночь» своя собственная! А теперь что? У меня никакой ночи не было! У меня теперь один огонь на голове!

— Не расстраивайся. Рыженькой тебе тоже хорошо.

— Рыженькой?! Я не рыженькая. Я — красная! Огненно-красная!

— Может, потускнеет, если промыть еще раз? — предположила испуганная моими воплями подруга.

— А может, мы это закрасим?

— Нет. Тут написано, что не рекомендуется производить повторную окраску раньше чем через месяц. Если, конечно, не хочешь, чтобы твои волосы стали зелеными.

После трех намыливаний подряд нам удалось немного притушить пламя на моей голове. А настойка пустырника помогла успокоиться.

Ничего, и рыжие как-то живут. А от особой приметы я и вправду избавилась.

Джед

Эван Граб был плешивым сморщенным старикашкой с изъеденными щелочью руками и лицом, являющимся своеобразной хроникой неудачных алхимических экспериментов: шрамы, ожоги, сгоревшие брови и ресницы и чудом уцелевшие глаза, временами сходящиеся к переносице и надолго застывавшие в таком положении. Посетителям обычно хватало одного взгляда на него, чтобы одуматься и заранее отказаться от услуг этого мага-неудачника. Но я знал Эвана не первый год и был о нем хорошего мнения. К тому же вряд ли кто-то другой взялся бы мне помочь.

— Прекрасно! — воскликнул старик, взглянув на мое запястье. — Просто великолепно!

Предложение Лен-Леррона было весьма заманчиво в той части, которая касалась алмаза, а прочие условия не оставляли

мне выбора, и я уже ответил баронету согласием. Но не мог не попробовать расторгнуть этот контракт.

— Сможешь это снять? — спросил я, воодушевленный радостью мага.

— Конечно! Конечно же нет! Это просто потрясающая, великолепнейшая работа! Чары настолько крепки, что тебя, мой мальчик, достанут даже из подземных чертогов Мун!

— Ясно. — Я опустил рукав. — И нет никаких вариантов?

— Отчего же. — Эван радостно потер ладони. — Варианты есть всегда! Я приготовлю замораживающее снадобье, мы польем им твою руку и...отрежем ее! Вот и все! Какой пассаж! Лишь подумай: виртуозно наведенное заклинание — ничто перед простой лекарской пилой!

— Э-э-э... Эван. — Я осторожно спрятал руку за спину. — Других решений нет?

— Нет! А у этого имеется несколько неоспоримых плюсов. Во-первых, я не возьму с тебя ни медяка за операцию, а во-вторых, — старик заговорщически подмигнул, — дам тебе аж десять грассов за отрезанную конечность!

К счастью, я не настолько нуждался в деньгах и еще надеялся по-другому избежать тюремных застенков.

Лисанна

Ночь мы с Милисентой провели, кое-как разместившись на одной кровати, а утром подруга проводила меня на стоянку дилижансов.

— Пиши мне на адрес судоходной компании дяди, — попросила она, обнимая меня на прощанье. — Только сделай пометку на конверте: «Стальная чайка», Милисенте Элмони.

— Милисенте Элмони от Милисенты Элмони? — улыбнулась я сквозь наворачнувшиеся слезы.

— А ты не пиши от кого. Если придет письмо из Лазоревой Бухты, я буду знать, что это от тебя.

— Хорошо. Только и ты мне пиши.

— Обязательно, — пообещала подруга. — И не волнуйся. У меня хорошее предчувствие, а моим предчувствиям можно верить, ты знаешь.

— Отправляемся! — зычный крик кучера оборвал наше прощание.

— Береги себя, Лисси, — всхлипнула Милисента. — Ты такая... такая несамостоятельная... Вот, носовые платки забыла...

Я положила тебе дюжину. А еще — баночку твоего любимого орехового масла...

— Отправляемся, дэйни! Извольте внутрь.

В последний раз прижав подругу к груди, я заняла место в дилижансе, на крыше которого уже закрепили мой багаж — кофр, саквояж и шляпную коробку. Сумку с документами и готовыми лекарствами я взяла с собой. Устроившись на мягком сиденье, помахала Милисенте в окошко.

— Первый раз в такую даль? — спросила сидевшая рядом со мной пожилая дама.

— Да.

— Не волнуйтесь, милочка, главное, чтобы попутчики попались хорошие. — Женщина явно намекала, что мне с ней в этом плане несказанно повезло.

— Конечно, — рассеянно согласилась я.

— Я — дэйна Беатрис, — представилась дружелюбная дама. — А как к вам обращаться, милочка?

— Ли... — экипаж резко тронулся, и я подпрыгнула на сидении, — ...санна.

Ой! Нужно же было сказать, что Милисента!

— Сана? Хорошее имя. Кажется, на старовестском это означает «солнечная». Вам очень подходит.

Если это — о цвете волос, то мне, скорее, подошло бы имя, переводящееся как «огненная».

— А отчего вы не положили сумку с остальными вещами? Она такая большая, будет неудобно держать ее на коленях всю дорогу.

— Там мои лекарства, — призналась я простодушно.

— Вы чем-то болеете? — Женщина опасливо отодвинулась от меня подальше.

— Нет-нет, — поспешила разуверить ее я. — Напротив. Я — целительница.

— Ох, как замечательно! — Дама снова придвинулась. — Целитель в пути может очень пригодиться нам всем.

«Нас всех» в дилижансе было трое: я, дэйна Беатрис и мужчина средних лет, дремавший, надвинув на глаза широкополую шляпу. И если кому-то тут понадобится целитель, то это мне самой — от трескотни соседки уже начинала болеть голова.

— А я, как только вас увидела, Сана, поняла, что вы имеете отношение к магии! У нас на юге крестьяне заведомо считают

всех рыжеволосых женщин ведьмами. Да и в старых книгах все ведьмы обыкновенно рыжие...

Она еще что-то рассказывала, но я уже не слушала, задумавшись о том, как непредсказуема и изменчива наша жизнь. Еще вчера была я княжной Лисанной Дманевской, а сегодня — Сана, ведьма рыжая, обыкновенная. И неизвестно, кем стану завтра.

Но главное, что не графиней Гросерби.

ГЛАВА 3

Лисанна

Дорога из Райнэ в Дебри, где я должна была пересесть на транспорт до Лазоревой Бухты, занимала три дня, и в начале путешествия я не считала это проблемой, ведь каждое лето я ездила домой, а добираться в Уин-Слитт было куда дольше — почти седмицу. Но скоро мне стало ясно, насколько путешествие в дилижансе отличается от поездки в собственном экипаже. Никаких остановок, кроме запланированных по расписанию. Обед — в дешевом трактире при станции. Времени на него отводилось совсем немного, поэтому пришлось заказывать то, что уже готово, а не то, чего хотелось бы. После обеда снова тронулись в путь. Бесконечная дорога. Ни прилечь, ни освежиться, ни сменить одежду. Показавшиеся сначала удобными сиденья превратились в пыточные устройства, а от несмолкаемой трескотни дэйны Беатрис у меня, как и ожидалось, началась мигрень. Потом был ужин в таком же убогом заведении и ночь, в течение которой мы все так же ехали, и к скрипу рессор и окрикам кучера добавился новый звук — храп моей соседки.

На следующий день я чувствовала себя совершенно разбитой и искренне завидовала безмятежно спящему мужчине. Как и вчера, наш попутчик дремал, спрятавшись под шляпой. На недолгих стоянках дэйна Беатрис пыталась вовлечь его в беседу, но он ограничивался короткими невнятными ответами, а едва заняв свое место, прятался под широкими фетровыми полями, и я оставалась единственной жертвой общительной дамы.

К полудню, когда я знала по именам не только всех родственников соседки, но и трех ее кошек, наше общество пополнилось еще одним пассажиром. Маленький тщедушный челове-

чек в потертом сюртуке устроился рядом со спящим дэем. Из багажа у него был лишь старый кожаный портфель вроде тех, в которых носят бумаги чиновники, и я решила, что он, скорее всего, стряпчий, едущий по делам куда-то не очень далеко. Но так это или нет, узнать не удалось. В разговор человек не вступал, а стоило дэйне Беатрис открыть рот, чтобы расспросить его о чем-то, соорил такую скорбную мину, что женщине стало неудобно еще раз к нему обратиться.

Около двух часов мы прибыли в Велсинг, самый крупный город на всем пути следования до Дебри. Здесь и трактир был получше, и времени на стоянку, в связи со сменой лошадей, выделили больше. Пообедав, я с удовольствием прошлась по широкому мощеному двору, а после вернулась в дилижанс, чтобы до отправки успеть насладиться отсутствием тряски и дэйны Беатрис. Вслед за мной в экипаж кряхтя забрался наш «соня», вытащил из внутреннего кармана небольшую флягу, сделал несколько глотков и вновь погрузился в блаженную дрему. Никуда не выходявший кислотицей человек неодобрительно покосился на соседа и отодвинулся подальше, словно бесценное сокровище прижав к груди портфель.

— Места есть? Прекрасно! — Дверца приоткрылась, и внутрь заглянул прилично одетый молодой человек.

Постоял на подножке, беглым взглядом оценив салон дилижанса и пассажиров, и крикнул кому-то:

— Унго, займись багажом.

После этого вновь обернулся к нам:

— Почтенные. — Спящий дэй в ответ чуть приподнял шляпу и снова надвинул ее на лицо, а тот, которого я приняла за стряпчего, привычно скривился. — Дэйни. — Я вежливо кивнула. — Надеюсь, наше общество не станет вам в тягость.

Думаю, что не станет. Впечатление вновь прибывший производил неплохое: хорошие манеры, приятная внешность. Когда он присел напротив, потеснив кислотицею, я, рискуя показаться неприлично любопытной, рассмотрела его получше. Молодой, не старше тридцати, худощавый, но отнюдь не хлипкий. У него было смуглое, чуть удлиненное лицо, которому прямой тонкий нос с горбинкой придавал несколько хищное выражение, и серьезные серые глаза. Темно-русые, слегка вьющиеся волосы незнакомца, длиною чуть ниже плеч, были аккуратно собраны на затылке черной, под цвет дорожного платья,

лентой; в левом ухе блестела маленькая бриллиантовая капелька-серьга.

Вернувшаяся в дилижанс дэйна Беатрис расцвела от счастья, увидев нового попутчика, и плотоядно улыбнулась, почуввав в нем очередную жертву. Но не успела я посочувствовать незнакомцу, как дверца экипажа отворилась и моя соседка, уже открывшая рот, в ужасе отпрянула и взвизгнула, прижав к лицу кружевной платочек.

Было бы чего пугаться: всего лишь темнокожий человек.

— Святые мощи! — запищал человечек с портфелем, не оценив приветливой улыбки уроженца южных островов. — Куда лезет эта обезьяна?

— Что вы сказали? — медленно развернулся к нему новый сосед.

Тут уже и мне стало страшно: в голосе мужчины звучала неприкрытая угроза, на скулах заходили желваки, а пальцы сжались в кулак. Не дошло бы до рукоприкладства.

Но ситуацию спас темнокожий:

— Я только хотел сказать, что погрузил багаж, дэй Джед. Я поеду с кучером.

— Но, Унго...

— Все хорошо, дэй Джед. Приятного путешествия.

Он закрыл дверцу, и я с облегчением вздохнула: скандала не будет. Но, взглянув на мужчину напротив, почувствовала себя неловко. Хозяин вежливого тайлубийца больше не улыбался, лицо превратилось в каменную маску, а взгляд обжигал холодом. Вряд ли дэйна Беатрис теперь решится с ним заговорить.

Джед

Тупые ограниченные людишки!

Я с трудом сдержал готовый вырваться из горла рык.

Что возомнила о себе эта жирная корова с накладными буклями? Сколько спеси на дряблом лице! И это при древнем платье с застиранными манжетами и бусах из цветного стекла. Провинциальная мещанка, строящая из себя недовольную аристократку. Лучше бы на стоянке воспользовалась водой и мылом вместо того, чтобы поливаться дешевыми духами — воняет теперь потом и фиалками. Обмахивается платочком, разгоняя по душному салону этот жуткий запах.

Да и этот, с портфельчиком, ей под стать. Жалкий крысеныш: такие же, как у помоечного грызуна, бегающие глазки и

жидкие усики. Только наряд выдает в нем мужчину, а во всем остальном — мерзкая, визгливая крыса!

Второй мой попутчик, сбитый седовласый человек лет шестидесяти в сером костюме, словно перешитом из гвардейского мундира, мирно спал. От него пахло бренди, а значит, сон будет долгим и крепким. И это радует — хоть кто-то в этой компании не станет меня раздражать. Ну и еще девица, сидящая рядом со старой коровой — миловидная рыжеволосая особа лет восемнадцати. Поначалу принял ее за родственницу жирной гримзы (в столь юном возрасте редко путешествуют в одиночку), но скоро понял, что ошибся. Во-первых, к счастью для девушки, никакого внешнего сходства, а во-вторых, одета она была не в пример лучше толстухи: скромное темно-зеленое платье, явно новое и недешевое, туфельки с серебряными пряжками, а в маленьких ушках — настоящие сапфиры, как раз под цвет больших голубых глаз хозяйки. Исходя из такого контраста в нарядах, я сделал вывод, что дамы не только из разных семей, но и из разных сословий.

При других обстоятельствах я не упустил бы возможности завязать беседу с хорошенькой попутчицей, но теперь, после этих недовольных воплей...

Я злился на неотесанных людишек, а на самом деле злился на себя: идея ехать дилижансом принадлежала мне. Унго предлагал подождать день-два, все обдумать и нанять экипаж до Алвердо. Так нет же! Я хотел отправиться немедленно. Послал его на станцию, узнал расписание, подсчитал, что так доберемся и быстрее, и дешевле. Будто бы деньги были проблемой! Обрек товарища трястись на козлах, а сам теперь вынужден любоваться на старую корову и вдыхать аромат фиалок, пота и бренди.

— Многобожцы, демонопоклонники, — пробормотал себе под нос крысеныш. — Тьмы порождения. Лица их черны, как и души, — так Создатель метит врагов человеческих.

Не знаю, что спасло его от удара по бледной вытянутой физиономии. Я уже сжал кулак, но сдержался. Вместо этого громко спросил:

— Откуда, интересно, у вас подобные сведения, милейший?

Я ожидал, что он не осмелится продолжить разговор, но человечиска встрепенулся.

— Книги священные о том ведают! — выдал он с пафосом.

Я расслабленно откинулся на спинку: делать мне больше

нечего, как связываться с религиозным фанатиком. Но от ответа не удержался:

— Не помню, чтобы в Великой Книге упоминалось о темной сущности тайлубийцев.

Крысеньш из бледного сделался багровым.

— Неучи ныне поучают! Невежды, зримо не зрящие! В древние времена Великая Книга писалась святыми людьми. В древние! Откуда было знать тогда про отродье темнолицее, когда острова южные только двести лет как известны просвещенному миру?

— Вообще-то уже двести пятьдесят, — поправил я, начиная забавляться этим разговором. — Но не в этом дело. Текст Великой Книги, как всем известно, внушил писцам сам Создатель. Так неужели Творец наш во всезнании своем и всемогуществе не смог бы предусмотреть такой вещи, как открытие южных земель и встречу с темнокожим народом? Вы уж думайте, милейший, на кого напраслину возводите.

Человечишка нервно заерзал, воздел очи горе и забормотал какую-то молитву.

— Святотатцы всюду, Создателя поносящие, — пожаловался он кому-то, сидящему на крыше дилижанса. — Тексты святы коверкают, истину с грязью мешают.

— Вот и я о том же, — усмехнулся я.

— Читаете, да не понимаете, — не унимался крысеньш. — Слова видите, а суть их мимо сердец ваших проходит.

— А мне кажется, дэй верно объясняет, — несмело подало голос юное рыжеволосое создание. Я и не заметил, что обе дамы с интересом прислушиваются к нашей перепалке. — Создатель всех своих детей любит одинаково, независимо от цвета кожи.

— О-о-о! — скорбно взвыл горе-проповедник. — Всяк ныне горазд толковать замыслы Создателя! И женщина, вместилище пороков, осмеливается говорить, словно не велел Творец ей молчаливо внимать беседам мужей!

Кто-то явно переусердствовал с чтением древних писаний — таких высокопарных речей и от священнослужителей не услышишь.

— Женщинам непозволительно лишь проповедовать в храмах, — обиделась девушка. — Плохо вы читали святы книги.

— И правда, милейший, где вы изучали богословие? — поинтересовался я. — В столичном университете вам в голову вряд ли вбили бы столько дури.

— Можно подумать, сами вы там учились, — оставив церковный слог, буркнул человечиска.

— Целых три года, — похвастал я, радуясь, что образование в кои-то веки пригодилось. — И богословие у нас по вторникам читал отец-предстоятель Винольского собора.

— Так вы теолог? — оживился крысеныш.

— Я изучал право, но богословие...

— Право? — скривился он. — Теперь понятно.

— И что же вам понятно? — сурово спросил я, услышав в его голосе злобное пренебрежение.

— Юристы все — приспешники Тьмы! — ляпнул он и тут же испуганно сжался.

Но я лишь рассмеялся: глупо спорить с умалишенным.

Не дождавшись затрещины или грозной отповеди, человек осмелел, расправил плечики и выпятил тощую грудь:

— Адвокаты, нотариусы, судии земные — все сплошь Тьмы служители для глумления над честными людьми Мун посланные.

В отдельных случаях с ним можно было согласиться.

— Души у них черные, как и у островитян черномордых. Хуже только оборотни, твари богомерзкие, блудницами человеческими от семени волчьего рожденные!

Всему есть предел, и крысеныш завизжал, когда мои пальцы сомкнулись на его шее.

— Заканчивали бы вы проповеди, милейший, — прорычал я ему в лицо, не скрывая удлинившихся клыков.

— Что вы себе позволяете, юноша? — заверещала жирная старуха.

Рыженькая молчала. Как мне показалось, она не возражала бы, если бы я придушил и ее соседку. Но убивать кого-либо не входило в мои планы, и я выпустил вяло трепыхавшееся тельце мгновенно вжавшегося в угол человека, дав себе зарок сойти на первой же стоянке.

Воцарившееся вслед за этой сценой молчание нарушал только скрип рессор, редкие окрики кучера и храп моего соседа слева, не проснувшегося даже от визга толстой дуры. Крысеныш забился в угол, отгородившись портфельчиком, старушечка открыла коробку с рукоделием и копалась теперь в спутавшейся пряже, время от времени бросая на меня сердитые взгляды, а ее молоденькая соседка отвернулась к окошку, старательно изображая, что любитесь тянувшимися вдоль до-

роги полями. Мне вдруг подумалось, что этот дилижанс — уменьшенная копия Вестолии. Аристократы и простолюдины, недовольные и равнодушные, люди и метаморфы. На козлах восседает ее величество Элма и правит лошадками-парламентом: порой отпускает поводья, но, если тем вдруг взбредет повернуть не туда, берется за кнут. Так и едем. Фанатики-человеколюбцы жмутся по углам, как наш крысеныш, но час от часу выбираются, показывают зубки: расклеивают по городам листовки с призывами изничтожить «волчье семя», пишут в бульварные газетенки мерзкие клеветнические статьи о кровавых обычаях оборотней, о каких-то загрызенных девственницах и сожранных младенцах. Когда крысы сбиваются в стаи, их деятельность уже не ограничивается бумагомарательством. Тогда они устраивают погромы, сжигают дома, убивают. Волк сильнее крысы, но если волк один, а крыс много...

Нет, меня все это не затронуло. Там, где я жил, в обществе, в котором вращался, мое происхождение не вызывало суеверного ужаса. Со времен объединения Вестрана и Олии прошло уже более пятисот лет. И все эти годы люди и метаморфы живут в мире. И больше выгод от этого мира получили именно люди. Дети Снежного Волка открыли им путь в предгорья, богатые рудами и драгоценными камнями. Наши шаманы поделились с человеческими магами тайными знаниями. Не всеми, конечно. Да и людей невозможно обучить всем нашим секретам — кое-что подвластно лишь истинным волкам. Как Волчьи Тропы, например.

...Стучит бубен, звенят струны, тихо и нежно вступает свирель. Голоса людей сплетаются с зазывным воем стаи...

Улыбка помимо воли коснулась губ. Возможно, мне уже никогда не повторить этот путь, но однажды я смог. Я прошел!

По легенде, Великий Предок даровал своим детям способность прокладывать путь сквозь пространство, чтобы в минуту опасности волк мог возвратиться домой, под сень древних андирских сосен. В детстве я, свято веря в это, множество раз пытался отыскать Тропу, чтобы избежать справедливой расплаты за шалости. И один раз мне это удалось. Кажется, это была разбитая ваза. Так глупо, но я действительно испугался. Отец был строг со мной всю седмицу: я не слушал учителей, пролил чернила на какую-то ценную книгу, поджег траву за конюшней.

Мне угрожали монастырской школой, если что-то подобное повторится. И тут эта ваза. Помню, как вжался в угол, понимая, что из столовой мне не сбежать. А за дверью уже слышалась тяжелая поступь отца... Потом Ула отыскала меня в лесу на склоне Паруни, заревавшего, перепачканного грязью, но невероятно счастливого от того, что мне все-таки удалось пройти по Тропе под древнюю песнь шаманов. Когда нэна вернула меня домой, о злополучной вазе и монастырской школе даже не вспомнили...

После нэна сделала мне путеводитель: отполированный кушачок андирской сосны висел у меня на груди на кожаном шнурке уже лет двадцать, но я так и не решился им воспользоваться.

Наши шаманы открывают Тропы некоторым из людей. За деньги — для состоятельных путешественников, желающих сэкономить время. Или выполняя долг перед нашей общей родиной: дороги духов не раз выручали вестольскую армию во время войн, обеспечивая внезапное нападение или безопасное отступление.

Еще у нас была уникальная рецептура целительских и косметических снадобий, неизвестные до того людям свойства некоторых камней и минералов... Да много еще чего!

В таких обстоятельствах люди должны были осознавать преимущества от союза с метаморфами, и большинство, разумное большинство, ничего не имело против мирного сосуществования. Но, увы, и неразумных хватало.

Для меня это были странные мысли: я редко задумывался о политике, а в последние годы меня вообще мало что интересовало, кроме алмаза. Но эти рассуждения незаметно увлекли. Я вспоминал историю и право, отчеты с заседаний совета и прочитанные от нечего делать газетные статьи. Думал, кому лучше живется: метаморфам, осевшим в человеческих городах и поселках, или тем моим собратьям, что остались в лесах на склонах Ро-Андира. Впервые, наверное, задумался о нашей природе. Кто мы? Люди, оборачивающиеся волками, или волки, иногда принимающие людское обличье?

Погрузившись в размышления, я не заметил, как посерело небо за окошками дилижанса и потемнело внутри. Видимо, я задремал, не прерывая дум, но бдительности не утратил, и когда справа зашевелилась, а после кинулась на меня темная тень, успел отбить руку с блеснувшим в слабом свете клинком. Но

сделал это не совсем удачно, и метивший в грудь нож, описав короткую дугу, вонзился мне в бедро. От боли я вскрикнул, а в следующий миг уши заложило от визга толстухи. Орала она так, словно это ее режут. Хвала Создателю, воздуха ей хватило ненадолго, и в дилижансе вдруг сделалось до жути тихо.

Произошло все так быстро и неожиданно, что в эти мгновения я ничего больше не предпринял, лишь смотрел ошарашенно на торчавший из ноги нож, а потом поднял взгляд на застывшего рядом крысеныша. Едва не убивший меня человек счастливо улыбался, а маленькие глазки горели фанатичным огнем.

— Смотри! — ликовал он, указывая пальцем на нож. — Это — серебро! Орудие против тварей, тебе подобных!

На вытянутом лице застыло выражение томительного предвкушения: очевидно, от освященного металла моя плоть вот-вот должна была истлеть, и я рассыпался бы прахом.

— Смотри, — в тон безумцу произнес я, демонстрируя кулак. — Вот орудие против подобных тебе.

Прямой удар в челюсть отправил агрессивного идиота в обжитый им угол.

Старуха снова завизжала, и в этот раз ее крики были услышаны снаружи — дилижанс остановился, и обе дверцы практически одновременно распахнулись. С одной стороны внутрь заглянул недовольный незапланированной остановкой кучер, с другой — обеспокоенный шумом Унго. Крысеныш, которого мой кулак должен был надолго утихомирить, вдруг выскочил из кареты. Сбив возницу с ног, он побежал в сторону тянувшегося вдоль дороги высокого забора, с прытью, свойственной больше кошкам, чем крысам, вскарабкался на ограду и исчез.

— Держите его! — запоздало выкрикнула моя юная попутчица.

— Нет нужды, дэйни, — ответил ей мужской голос.

Я обернулся и с удивлением понял, что принадлежит он всю дорогу проспавшему дэю. Для человека, регулярно прикладывавшегося к фляге с бренди, тот выглядел невероятно трезвым и спокойным.

— За забором — усадьба Мэвертон, — пояснил он. — Самые вкусные яблоки в Вестолии. И самые злые собаки. Далеко не уйдет.

— Собаки? Какой ужас! — схватилась за сердце старая королева и заработала пару уничижительных взглядов — от меня и от рыжеволосой соседки.

Нож все еще торчал из моей ноги. Пока его не выдернули, крови было немного, но долго так продолжаться не могло. Свыкнувшись с болью, я лихорадочно вспоминал, брал ли в дорожку бинты и какие-нибудь снадобья.

— Кто бы мог подумать, что он так не любит юристов, — задумчиво пробормотала сидевшая напротив девушка.

— Молчали бы вы, вместилище пороков, — огрызнулся я. — И радовались, что не на вас обрушился праведный гнев.

Конечно, она была ни в чем не виновата, и мне тут же стало неловко за вызванную болью вспышку раздражения. А девушке мои слова, кажется, не на шутку испугали — верно, представила себя с ножом в... где-нибудь. Но она быстро взяла себя в руки.

— Позвольте взглянуть на вашу рану.

— Что за странные желания для столь юной особы? — отмахнулся я и повернулся к ждавшему то ли объяснений, то ли указаний Унго. — У нас есть...

— Я вам не юная особа! — вспыхнула рыженькая. — Я — целительница!

— Замечательно. У вас есть бинты?

— Есть. Но прежде рану нужно обработать.

— Спиртом? — оживился мой сосед.

— Нет, чистого спирта у меня нет, но есть настойки...

— Подойдет.

Так ничего и не понявший кучер топтался у открытой дверцы, и я попросил его отойти и не загораживать свет: в вечерних сумерках его было немного.

— Сана, милая, вы же не станете... — округлила глаза старуха.

— Да, Сана, не стоит. Я сам.

Девушка обиженно фыркнула, открыла сумку и подала мне несколько салфеток.

— Зажмете рану.

Приготовила узкую бутылочку с плескавшейся внутри коричневатой жидкостью.

— Я сам, Унго, — перебил я хотевшего что-то сказать тайлубийца.

Закусил воротник и резко выдернул нож. Ногу прожгло болью до кости, а штанина тут же сделалась влажной от крови. По совету целительницы я прижал к ране салфетки.

Организм метаморфа в несколько раз быстрее человеческого восстанавливается после подобных повреждений, и меньше

чем через минуту я перестал ощущать пульсацию текущей крови. Осталось продезинфицировать рану и наложить повязку: пока поверх одежды, а после она уже не понадобится.

Я взял из рук девушки бутылочку и тут же выплеснул жидкость на рану...

О-у! Глаза полезли на лоб, а в дилижансе запахло маринованным мясом.

— Ой! — испуганно прикрыла ладошкой рот рыжая. — Кажется, это не настойка...

— А что? — выдавил я.

— Укус. Для улучшения аппетита...

Аппетит у меня действительно улучшился: так и вгрызся бы в нежную девичью шейку.

Седовласый протянул мне флягу, и я с благодарностью отхлебнул обжигающий напиток.

— Так что делать-то? — наконец спросил кучер.

— Как — что? — выверился я на него. — Ехать! Остановишь у ближайшего трактира.

— Давайте я вас перевяжу, — тихо предложила лжелекарка.

— Избавьте, — рявкнул я. — Мне дорога эта нога, она досталась мне от родителей. Хотелось бы сохранить.

Унго сел рядом, и визгливая старушенция в этот раз не осмелилась и рта открыть.

Лисанна

Снова я все напутала! Нужно было подписать склянки. Или хотя бы понюхать, что в бутылочке, прежде чем давать ее раненому. Права дэйна Алаисса, нельзя мне людей лечить. Хорошо хоть дар не применяла — и так смотрит на меня как на злейшего врага, а если бы у него в довесок к ране рога выросли или борода... Хм, пошла бы ему борода? Нет, вряд ли.

— Очень интересно. — Пожилой дэй уже не спал и сейчас вертел в руках оттертый от крови нож. — Похоже, наш сбежавший друг принадлежит к ордену Спасения. Видите клеймо?

Он показал оружие пострадавшему.

— Что за орден? — заинтересовался тот.

— Фанатики. Официально их организация не является незаконной, но проповедовать в столице ее adeptам запретили.

— А что именно они проповедают?

— Ну, вы же слышали. Радеют за чистоту крови и помыслов, призывают изживать метаморфов, забивать камнями блудниц,

топить ублюдков... Поголовье юристов, очевидно, тоже решили проредить.

— Я не юрист, только изучал право.

— А я в юности изучал куртуазную литературу, — пожал плечами почтенный дэй. — Но вот уже двадцать лет служу в судейской управе. Карл Мэвертон, судья округа.

— Мэвертон? Так значит, то была ваша усадьба?

— Да. Планировал там же сойти. Но теперь доеду с вами до города, оповещу стражу и прихвачу с собой пару молодчиков: убийцу вашего в садах поймают, будьте спокойны, но не с челядью же его в тюрьму отправлять?

— От меня понадобятся какие-то свидетельства? — В голосе молодого человека слышалось недовольство.

— Очень торопитесь? — понял судья. — Не переживайте, поддержим дилижанс на время составления протокола, а опознание я уж сам проведу.

— Вы разве его рассмотрели?

— Думаете, нет? — усмехнулся седовласый, на миг надвинув на лицо шляпу.

В таком виде мы наблюдали его почти два дня. А он наблюдал за нами и только притворялся спящим. Зачем? Чтобы дэйна Беатрис не приставала к нему с разговорами? Эх, а я о такой простой уловке и не подумала.

— Нужно будет передать нож магам из отдела дознаний, — продолжал судья. — Возможно, на нем не только ваша кровь.

Дальше мужчины стали переговариваться шепотом, а дэйна Беатрис, тоже шепотом, но нарочито громким, стала рассказывать мне, сколько страху она натерпелась в недавнем происшествии и как теперь у нее «колет в груди».

— Дать вам сердечных капель? — предложила я, подумав, что, если один раз напутала, могу сделать это снова и напоить трещетку снотворным. Или слабительным.

Но, к моему сожалению, от лекарств она отказалась.

Еще не успело стемнеть, как мы въехали в какой-то городок. Остановились у небольшого трактира. Раненый — слуга называл его «дэй Джед» — велел сгрузить багаж и снял тут комнату, сказав, что дальше с нами не поедет. И опять зло на меня посмотрел. Но аппетит мне это не испортило, и пока дожидались представителей от законников, я заняла столик в углу зала, заказала себе суп со спаржей и успела съесть его до того, как рядом уселась дэйна Беатрис. Женщина потребовала свиных ребры-

шек с капустой и принялась, обгладывая кости, рассказывать, что после пережитых потрясений ей и кусок в горло не лезет.

— А такой на первый взгляд приличный дэй, — сетовала она. — С портфелем. Сразу видно — ученый. И говорил так ладно.

По мне, так он нес полную чушь, да и жалеть нужно было не его, а пострадавшего молодого человека. Рана глубокая. Да еще и уксусом прижатая...

Приняв решение, я вынула из сумки баночку с заживляющей мазью. Открыла крышку, понюхала, убеждаясь, что на этот раз не ошиблась, и... вернула баночку в сумку. Что я ему скажу? Извинюсь? Хорошо, извинюсь. Это же было досадное недоразумение, я была напугана, нервничала.

Я достала мазь и поднялась из-за стола.

— Присмотрите за моей сумкой, дэйна Беатрис. Я скоро вернусь.

На счастье, в коридоре мне встретился тайлубиец — Унго, кажется, — и я узнала, в какой комнате остановился его хозяин. Дошла до нужной двери, постучала. Из комнаты что-то ответили, и я подумала, что можно войти.

Мужчина стоял спиной к входу, и первое, что бросилось мне в глаза, — отпечаток волчьей лапы на лопатке. Оборотень. Точнее, метаморф. Дэйна Алаисса говорила, что называть их оборотнями — дурной тон. Так вот почему тот фанатик заговорил о серебре! Но это все — суеверия. Конечно, метаморф умрет, если пронзить его сердце серебряным клинком или осиновым колом, только кто б от этого не умер?

Дэй Джед обернулся, и я увидела длинный белый рубец на его плече. Всего один. Значит, он единственный ребенок в семье. Помню, когда мы изучали метаморфов, меня возмутил этот дикий обычай царапать собственных детей. Да-да, это родители их так метят, ведь только от когтей и зубов сородича у оборотня останется шрам, а все другие раны заживают без следа. И сегодняшняя наверняка уже затянулась...

И только тут я поняла, что вижу все это потому, что он раздет. Не полностью — длинные подштанники, одна штанина которых была порвана и испачкана кровью, он пока снять не успел, — но все же ситуация сложилась неловкая.

— О моя спасительница! — нимало не смутился мужчина. — Нашли в запасах банку горчицы и пришли закончить с маринадом?